Марк Исаевич Волькенштейн

Владимир Владимирович Юрков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Несколько моментов из жизни вполне обычного советского еврея, который остается навеки в моей душе милым отзывчивым человеком. Здесь нет вымысла, лишь небольшое лакирование действительности.

- Предисловие
- Где жиды?
- Прошлое - полбеды!
- Какая у вас очаровательная внучка!
- Путевка в Освенцим
- Жид
- Она под стол залезла
- Обоссали - обтекай
- Избранное
- Равнодушный
- Без порток, но в шляпе
- Христопродавцы
- Национальный долг
- Исцеление
- Русская собака
- Беретики
- Воскрешение Лазаря

Предисловие

Имена персонажей несколько изменены.

Где жиды?

Теплый летний ленивый воскресный полдень. Мы стоим с Марком Исаевичем на балконе и курим, наслаждаясь видом соседнего многоэтажника. Откуда-то доносятся звуки работающего телевизора. Безголосый певец монотонным и бесцветным голосом, вяло и скучно, как пономарь заупокойную, выпевает (иначе не скажешь) слова рефрена модной в то время песенки: «Где же ты и где искать твои следы...», при этом почему-то сливая в одно слово «же» и «ты». (имеется в виду перевод песни Et si tu n'existais pas на русский язык)

Когда певец в третий раз повторяет эту фразу, Марк Исаевич как-то настораживается, а, затем, вынув сигарету изо рта, выпаливает: «Где жиды, где жиды? Жидов он, видите ли, найти не может! Да они - повсюду! На двенадцатом Кронгаузы, на шестом - Абезгаузы, на первом этаже Ганины, а на втором Ханины...» - скороговоркою продолжает он и заливается раскатистым смехом. Потом, отсмеявшись, добавляет: «Вон там окно... видишь... - Николай Иванов - махровый, как банное полотенце...» и снова хохочет, пытаясь сквозь смех выговорить: «где жиды... где жиды..»

А шо за Лизе?

С песней связан еще один забавный случай из жизни Марка Исаевича. Я как-то привез его дочери пластинку Джо Дассена - как многие молодые люди того времени, я переторговывал дисками модной музыки (на которые был не просто страшный, а страшнейший дефицит), получая при этом неплохой для студента-первокурсника доход в размере пары стипендий.

Марк Исаевич признавал только песни Высоцкого. Все остальное он как бы не замечал. Ни, в общем-то достойнейших, Визбора с Окуджавой, ни прочих бардов, ни уж, тем более, популярных певцов и ансамблей.

Высоцкий был для него всем. Он собирал любые его записи от мелодиевских дисков до затерханных копий с магнитофона «Электроника», на которых толком и слышно то ничего не было. Но... Марк Исаевич был истый коллекционер, поэтому собирал абсолютно все.

Вообще-то он очень любил поэзию и Высоцкого воспринимал только как поэта, читающего свои стихи в сопровождении гитары, но ни в коем случае не певца. Марк Исаевич и сам любил декламировать, в основном, стихотворения Есенина и Пушкина. Ему, кстати, это хорошо удавалось. Он был прекрасным чтецом. Но Высоцкий в этом плане для него был табу. Когда мы просили его почитать из Высоцкого, то он категорически отказывался,

маша при этом руками как ветряная мельница, будто бы он отгонял назойливых мух. А если мы напирали на то, что если Есенин и Пушкин у него получается замечательно, Маяковский тоже неплохо - ну так давайте же, Марк Исаевич, почитайте нам из Высоцкого, то он опускал глаза и говорил: «Не ровняйте...» На этом все и заканчивалось.

Марк Исаевич прослушал все песни с диска и, помолчав чуток, сказал:

- Наверное, этот певец такой же одессит, как Юл Брюннер или Кирк Дуглас.

- Почему? - хором, буквально, выкрикнули мы с его дочерью.

- А послушайте, дети, как он поет: «А шо за Лизе...» (Aux Champs-Élysées)

Наш гомерический хохот не дал ему договорить и что он хотел еще добавить навсегда осталось загадкой, поскольку, после того, как мы утихли, разговор перешел уже на другую тему.

Но... прошло столько лет, нет уже и Джо Дассена и самого Марка Исаевича, да и я уже не студент-первокурсник, а почти пенсионер, но стоит мне только услышать звуки «Елисейских полей», и сразу же в голове звучит голос Марка Исаевича: «А шо за Лизе...»

Прошлое - полбеды!

Мать Марка Исаевича, Юдифь Лазаревна, родилась в польском городе Лодзи, в самом начале двадцатого века, когда Польши, как государства, не существовало, а было Царство Польское в составе России. С уничтожением России, снова возникли на карте, и Польша, и Финляндия. Правда в трехлетнем возрасте родители перевезли ее в Москву и Польша, как таковая, была ей совершенно незнакома и чужда, хотя там и оставалась лодзинская ветвь их обширной купеческой семьи. Но советский режим разорвал связи между людьми, разделив весь мир на «ваших» и «наших», поэтому связаться со своими родственниками ей удалось только в середине 1980-х годов буквально за несколько лет до смерти.

Не знаю, что было написано у Юдифь Лазаревны в паспорте раньше, но, когда она получила бессрочный советский паспорт (предсмертный, как она его называла), то в нем написали «родилась в ПНР».

Это вызвало у нее законный смех и даже возмущение - пусть Царство Польское и существовало в 1901 году, но ПНР уж точно не было до 1952 года. Получалось, что она, во-первых, родилась заграницей, а, во-вторых, в несуществующей стране. Молодая женщина, выдававшая ей паспорт, была очень удивлена этим фактом. Ей, родившейся перед войной, было невдомек, что карта мира совсем недавно была совершенно иная.

Юдифь Лазаревна, как все пожилые люди, очень щепетильно относилась к подобным казусам, поскольку верила в магию слов и чисел. Поэтому, с ее точки зрения, факт рождения в несуществующей стране, ставил под сомнение сам факт ее существования. Неприятно. Она считала, что родилась в России - исторический факт, оспорить который было невозможно, но была согласна и на СССР, согласилась бы даже на просто Польшу, но только не на ПНР. Эта «народная республика» почему-то больно ударила по ее самолюбию. Все-таки московские купцы второй гильдии не считали себя «народом».

Вернувшись домой, она долго возмущалась случившимся, и с собственным сыном и, с пришедшими в гости, друзьями. Вот, говорила она, родишься в одном месте, а потом его переименовывают и выходит, что ты родился черти где или же ты вообще не родился. Не могла же я родится в ПНР, когда та еще на свете не существовала. Это то же самое, что бабке быть дочерью своего внука. Просто бред.

Начали вспоминать бесчисленные советские переименования

городов и улиц. Замечу, что для Юдифь Лазаревны, переименования улиц были особенно болезненны. Ведь всю свою юность она провела в Москве и, с каждым местом, с каждой улицей, были связаны определенные воспоминания. Уничтожение старых названий она воспринимала как уничтожение своего прошлого, своей жизни. Она рассказывала мне с ужасом, что той Мясницкой, где в подворотне дома номер восемь, ее пытался поцеловать молоденький гимназист уже не существует. «Я ищу Мясницкую и не нахожу» - с ужасом говорила она,- «не Мясникой, значит не было, и меня, и того мальчика, имя которого я за давностью лет позабыла». Поэтому, до глубокой старости она так и привыкла к советским названиям и, постоянно, переспрашивала: «А как это было по-старому?»

Знакомые, которые были моложе ее, не с таким сердцем воспринимали перемену названий и пытались смотреть на это с определенной долей юмора. Хохотали над анекдотом про то, что Ломоносов раньше был Ораниенбаумом, вспомнили, что Гатчина, когда-то была Троцком, а потом снова стала Гатчиной. Один из гостей родился в Рыбинске, но учился в Щербакове, а потом работал снова в Рыбинске, хотя не покидал пределы своего города. Поговорили про Царицын - Сталинград - Волгоград и прочие казусы советской жизни. Время было такое - люди начинали разговаривать без страха - оттепель. Правда - недолгая, но все же оттепель.

Стали обсуждать - как же поступать с людьми, которые живут в эпоху быстросменяющихся названий. Кто-то предложил в паспорте писать названия через черточку. И не только для городов, но и для стран, и улиц, выделив на каждый по странице - на всякий случай. Вспомнили анекдот: «Почему вы фамилию Иванов сменили на Петров - а чтоб не спрашивали - какая раньше была!. Похохотали еще несколько раз. В общем - весело отметили получение бессрочного паспорта.

И когда все гости уже разошлись, еще совсем молодой, Марк Исаевич, сказал своей матери: прошлое - полбеды, даже четверть беды, а беда в том, что нас ждет впереди. Мать отругала его за такое мрачное настроение и сказала, что в будущее надо смотреть с оптимизмом.

Счастливая - ей так и не удалось узнать насколько был прав ее сын. Она умерла буквально за год до того, как рухнула Советская Страна и как отняли все честно заработанные деньги. А Марк Исаевич, родившийся в СССР, был похоронен в России, собственно говоря, почти в той, в которой родилась его мать. Круг замкнулся.

Какая у вас очаровательная внучка!

С Марком Исаевичем и Юдифью Лазаревной связана еще одна забавная история, которая звучит настолько невероятно, что может показаться, читающему эти строки, выдумкой, но все это - мсключительная правда.

Марк Исаевич, учась в институте, жил в хоть и однокомнатной, зато отдельной квартире, вместе со своей матерью в самом центре Москвы и был, то, что называется, пай-мальчик. Учился прилежно, драться не дрался, не пьянствовал, не сквернословил, вот только курил почти с самого детства. Но в те годы курение не считалось большим пороком.

Мне не представился случай спросить как Марк Исаевич познакомился со своей будущей женой. Где-то пересеклись их пути, ведь работала она ночной няней в детском саду, в котором, кстати, и жила, буквально в двух шагах от дома Марка Исаевича. Как бы то ни было, но после первой сессии, Марк Исаевич стал женатым человеком, а в начале второго курса - отцом.

Но семейное счастье Марка Исаевича простым не было по двум причинам. Во-первых ни у него, ни у нее не было своей жилплощади. Но эта проблема, в принципе, была решаема, если захотеть и приложить усилия. Но была еще и вторая - гораздо более трудная и тяжелая. Женился Марк Исаевич без благословения своей матери, поскольку знал, что она вряд ли одобрит такой брак. Ведь его жена была русской, к тому же из рабочей семьи. По сравнению с Юдифь Лазаревной, окончившей женский пансион, свободно владеющей пятью языками, неплохо рисовавшей, вышивавшей и, в довершение, профессиональной пианисткой, жена Марка Исаевича выглядела, мягко говоря, очень скромно. Родившаяся в подмосковном городке, который был городом только по статусу, а по виду - обыкновенной деревней, без гроша в кармане приехавшая в Москву, учащаяся в институте и работающая больше за еду и проживание, чем за зарплату, она вряд ли могла составить достойную партию внуку московского купца второй гильдии.

Поэтому Марк Исаевич про свою свадьбу умолчал, сделав вид, что ничего не произошло, решив открыться матери только тогда, когда выпадет удобный случай.

Соответственно, в жизни молодых, после свадьбы, мало что изменилось. Марк Исаевич, по-прежнему жил с мамой, а его жена - в детском садике. Правда Марк Исаевич стал заметно больше кушать и пристрастился к вечерним прогулкам, хотя к ночи всегда возвращался домой, стараясь не волновать маму. Свой

усиленный аппетит он объяснял нагрузками в учебе, а нежелание встречаться с девушками старался не объяснять никак, скромно отводя глаза. Хотя мать этому была даже рада. Пусть сначала выучится, а потом уже женится - решила она.

А годы шли и шли. Вот уже Марк Исаевич вышел на диплом, скоро и его жена должна была закончить институт. Дочка тоже подросла - еще несколько лет и в школу.

Но случай рассказать всю правду матери так и не выпадал.

Неизвестно сколько бы еще лет это продолжалось, да, на их счастье, помощь пришла, как положено неожиданно, и оттуда, откуда ее совершенно не ждали.

Марк Исаевич с женой и дочкой часто ходил на Страстной бульвар (в те годы тихий, зеленый, спокойный), где была небольшая детская площадка. Именно там их как-то заметила знакомая Юдифи Лазаревны, работающая с ней вместе в одной концертной программе, но к молодым не подошла, поскольку очень торопилась. Посмотрела на счастливое семейство и была такова.

Прошло еще несколько месяцев, прежде чем, в каком-то разговоре эта женщина заметила Юдифь Лазаревне: «Какая у вас милая внучка. И уже такая большая. Ей, наверное, скоро в школу?»

Юдифь Лазаревна недаром, что училась в пансионе - выдержка и самообладание у ней были на высоте. Не моргнув глазом, она продолжила разговор так, что ее знакомая даже предположить не могла насколько это известие было неожидано для нее, насколько оно поразило и взволновало Юдифь Лазаревну. Быстренько завернув разговор, чтобы, не дай бог, не пришлось называть имени внучки, которого она не знала, она поспешила домой, сразу поняв, чем объясняются некоторые странности в поведении своего сына.

Не буду описывать чувства, которые в тот момент охватили Юдифь Лазаревну - это очень сложная смесь необычайной радости и, просто таки панического, страха. Такое трудно вообразить - надо пережить и прочувствовать. Вот мне, как раз и посчастливилось (если можно так выразиться) узнать все это, когда, ни с того, ни с сего, я узнал, что у меня есть сын. И не просто какой-то маленький мальчик, а здоровый мужик, уже поступающий в институт.

Марк Исаевич был дома, хотя собирался через некоторое время пойти прогуляться, после того, как весь день чертил свой дипломный проект. Его мать была совершенно спокойна, поэтому он ничего не заподозрил и только, подойдя к двери, услышал от нее: «Ну, пойдем, покажешь мне внучку!»

У Марка Исаевича подкосились ноги, но, сделав над собой усилие, он, не сказав ни слова, вышел на улицу. По дороге оба молчали, о чем они тогда думали, кануло в Лету. Но сердце Марка Исаевича затрепетало, когда он увидел свою жену и дочь, стоящих на углу Столешникова переулка. Хотя он был даже рад, что наконец-то весь этот обман подходит к концу, правда к какому - еще не знал.

Дочь, увидев отца, рванулась к нему навстречу, но была перехвачена сильными руками (недаром пианистка) Юдифи Лазаревны, которая вознесла ее вверх, прямо к своему лицу и, сквозь слезы, проговорила: «Как тебя зовут...» Но тут волнение взяло верх и она, поперхнувшись, продолжила - «...внученька...» Девочка от неожиданности молчала, а Юдифь Лазаревна прижавшись к ней щекой, не дожидаясь ответа, объявила - «Ну, вот - придется снова замуж выходить!»

Квартирный вопрос был решен.

Путевка в Освенцим

Перед Олимпиадой 1980 года в советском обществе наметилась некая либерализация. В продаже появилась Пепси-кола, советские фабрики стали производить джинсы и кроссовки, пусть и в ограниченном количестве, но все же, можно было встретить даже заграничные сигареты и пиво. Стали возможными даже турпоездки заграницу.

На 1980 год выпали две даты - исполнялось сорок лет Марку Исаевичу и тридцать пять лет Победе во Второй Мировой войне. Это совпадение сыграло с Марком Исаевичем злую шутку.

Как-то позвонив ему, я удивился услышав в трубке непривычно бесцветный голос. У Марка Исаевича был удивительно-неповторимый тембр, которого я больше ни у кого не слышал. Этот тембр сохранялся у него в любых ситуациях и мне стало ясно, что случилось нечто экстраординарное.

- Меня к юбилею наградилии заграничной путевкой - промолвил он.

- Так это же чудесно! - ответил я.

- Вы не знаете всего - продолжал бубнить Марк Исаевич.

- Чего?

- Куда...

- Чего куда? - окончательно запутавшись, спросил я.

- Путевкой в Освенцим! - неожиданно громко, сказал Марк Исаевич.

Я непристойно хохотнул, но быстро заткнулся, понимая все свинство своего поведения.

А Марк Исаевич, тем временем, продолжал:

- Вам смешно и всем смешно. Даже Леночка - эфемерное создание, которого не волнует ничего, кроме собственной внешности, и та, ужаснувшись, сказала: «О, господи!» В лицо, конечно, никто не смеется, хотя чужая душа, как известно, потемки, но я сам чувствую себя шутом гороховым - Волькенштейна посылают в Освенцим!.. Разве не смешно?

Тут Марк Исаевич на мгновение примолк... (в чем я увидел добрый знак - знак возвращения старого Марка Исаевича, потому что мой разум отказывался признавать его в этом мямлющем существе), после чего засмеялся.

- Нет, ведь и вправду смешно - переспросил он.

Я деликатно промолчал, а он добавил:

- Черт с ним, чего еще ждать от этой страны, как ни Освенцима, но я боюсь не заставили бы на собрании отчитываться о поездке. Этого я не вынесу. Тогда мне пиздец!

Он неожиданно произнес матерное слово, что говорило о его тяжелом душевном состоянии. Волькенштейн матом не ругался, в отличие от меня, грешного.

- Плюньте вы на это - сувениров привезете... - продолжил я.

- Из Освенцима?

Я снова непристойно хохотнул и добавил: «Из Польши.»

Он выдержал значительную паузу, чувствовалось, что его волнует еще что-то, потом несколько раз попытался что-то сказать, пока, наконец, не произнес:

- Вы же знаете про моего однофамильца...

- Да!

- Вот этого я и боюсь...

- Надеюсь, что перекличку там не устроят.

- Все равно стыдно... Не живых стыдно, мертвых... Стен стыдно...

- Однофамилец - не родственник!

- Кто знает, все это неспроста. Вдруг знак свыше.

- Тогда обязаны ехать... - Я завис на какое-то мгновение, но решился и продолжил - искупить.

Мой расчет оправдался - Марк Исаевич разом успокоился. Он понял - почему и зачем...

Мы поговорили еще о чем-то отвлеченном, после чего Марк Исаевич то ли спросил, то ли сказал:

- Зачем музей... Музей передает опыт предков потомкам... Уффици, Прадо, Британский, наш Политехнический... А это... Кому... Почему... Зачем...

Голос его разом перешел на сип, он прокашлялся и снова начал говорить об отвлечённых вещах. О моей учебе, о опозорившейся Олимпиаде и еще о чем-то несущественном.

На его счастье отчитываться о поездке ему не пришлось и никто - ни я, ни его дочь, ни его жена, ни разу при нем не вспоминали про Освенцим. Вроде бы все хорошо, но...

Но мы и предположить не могли какая Марка Исаевича ожидает расплата. Пройдет несколько месяцев и в самый разгар Олимпиады умрет, боготворимый им, поэт Высоцкий, что отразится на его лице двумя глубокими морщинами.

Жид

Сидим как-то мы с Марком Исаевичем за столом и попиваем красное вино, отмечая какой-то красный праздник. Может Первое мая, а может и Девятое. На улице тепло, значит уж точно не Седьмое ноября и не Новый год. По телевизору бравый певец с военной выправкой и маршальской внешностью чеканит патриотическую песню.

Скучно...

Марк Исаевич, вытащив из консервной банки золотистую шпроту, поморщился и, оставив ее висеть на вилке, произнес

- Вевик (в отсутствии незнакомых людей он звал меня не Вовиком, а Вевиком), Вевик, я тут слышал по «Голосу Америки», что из нашего телевизора изгнали всех евреев.

- Ну... да... - протяжно говорю я, не понимая к чему он клонит, но предчувствуя, что готовится какая-то хохма.

- И, несмотря на него, - он махнул вилкой в сторону экрана с такой силой, что толстая шпрота, сорвавшись с нее, тюкнулась об экран и, оставляя на стекле желтоватый масляный след, поползла вниз прямо по шее певца.

- И, несмотря на него - он повторил снова, ухмыльнувшись шпроте, - они абсолютно правы.

- Почему, Марк Исааевич? - спросил я, так и не поняв хода его мысли.

- Евреев выгнали, а это - ЖИД!

Она под стол залезла

Марк Исаевич работал простым инженером в техническом отделе на автобазе, в двух шагах от собственного дома. Не могу сказать, что он звезд с неба не хватал, но... наверное ему просто всего хватало, что он не считал нужным вести борьбу за свое существование. Его дом не был полной чашей, но, как только ему чего-то хотелось, то оно у него сразу же появлялось.

В те, голодные, годы, в конце 1980-х годов процветала открытая спекуляция на предприятиях. Никто уже так не боялся ОБХСС, как боялись ее, скажем, в начале 1970-х. Сотрудники, имеющие нужные связи, приносили товары на работу, развешивали их хоть в женском туалете и продавали. В такие моменты предприятие замирало. Все, даже те, кому либо ничего не было нужно, либо у кого не было денег, сбегались посмотреть на то, чем торгуют. Руководство глядело на это сквозь пальцы, поскольку им самим также приходилось покупать у тех же торговцев. И они знали, что, если не будут ерепениться, то смогут рассчитывать на значительную скидку, а то и вовсе - на подарок.

И вот тогда, когда все сотрудники техотдела ушли разглядывать очередной «привоз», Марк Исаевич в одиночестве сидел за столом, занимаясь какими-то текущими делами. Неожиданно в отдела вошел один из руководителей предприятия, считающийся не то, чтобы круглым дураком, а так, то что называется, не от мира сего.

Обведя глазами пустое помещение, он громогласно спросил, как бы ни к кому не обращаясь: «А где Любушкина?»

Марк Исаевич, вначале, не обратил на это никакого внимания, поскольку вопрос не был адресован лично ему. Да и смысла спрашивать не было, поскольку каждый сотрудник знал, что если никого нет, то значит все снова собрались в «магазине», как называли большое помещение ленинской комнаты.

Но поскольку вопрос настойчиво повторялся, то Марк Исаевич без тени смущения ответил: «Она под стол залезла, Игорь Сергеевич».

Он сказал это так, даже не шутки ради, а просто потому, что глупые вопросы отвлекали его от работы и он надеялся, что Игорь Сергеевич, уловив в его ответе издевку, поймет несуразность вопроса и уйдет восвояси. Но того, что произошло не мог предположить даже такой шутник, как Марк Исаевич. Руководитель подошел к столу Любушкиной и, постучав по нему, заявил: «Ольга Ивановна, вылезайте! Я вас прошу!» Поскольку никто не вылез, он постучал вторично и повторил свою просьбу.

Он бы наверное стучал так до самого вечера, но в этот момент дверь распахнулась и в отдел ввалились сотрудники, в том числе и Любушкина.

Игорь Сергеевич посмотрел на нее так, как будто бы она только что восстала из мертвых. Его взгляд поразил Любушкину настолько, что она замерла в дверях и испугано смотрела на начальника, ни говоря ни слова. Игорь Сергеевич первым нарушил тишину, словами: «Мне, вот Марк Исаевич, сказал, что вы под стол залезли, я стучал по столу, а вы в дверь вошли...». Громкий хохот был ему лучшим ответом.

Обоссали - обтекай

Ноябрьским утром Марк Исаевич сидел на своей любимой лавочке возле подъезда и дымил сигаретой - курение было его любимейшим занятием, и развлечением, и отдохновением, да порою казалось, что самим смыслом жизни его было курение. Не успел он докурить, как из дверей вышел соседский сын, только что окончивший какой-то технический вуз и работающий теперь на строительстве в центре Москвы. Неожиданно он присел рядом с Марком Исаевичем. Это было действительно неожиданно, поскольку за ним такого раньше не водилось. Как студент он понимал разницу между собой и дипломированным инженером, но теперь... теперь ранги сравнялись. Они оба были инженерами, а следовательно находились на одной ступени иерархической лестницы советского общества. Поэтому Коля, а именно так звали сына соседки, счел позволительным, без спроса, не только присесть рядом с Маком Исаевичем, а еще и первым заговорить с ним.

Он начал рассказывать о стройке на которой работает, но слова у него не клеились в цельные фразы. По всему чувствовалось, что не про то он говорит, что он хочет рассказать о чем-то ином, том, что сильно его волнует или задевает, о чем-то личном, сокровенном и очень-очень важном.

Походя вокруг да около, Коля резко выпалил на одном дыхании:

- Маркисаич, а меня вчера на стройке боссом назвали. Иду я из прорабской и слышу сзади: «Смотри-ка Босс пошел».

Марк Исаевич выдержал значительную паузу, чтобы подчеркнуть торжественность события и невозмутимо ответил:

- Ну что ж, поздравляю, оБОССали - обтекай!

И ловко закинул, вставая с лавочки, окурок в мусорницу.

Избранное

Тот, кто помнит, ставшие теперь такими далекими, советские годы, тот наверняка вспомнит, активно насаждаемый властями, культ книги.

Какова бы ни была идеология, но человеку всегда свойственно, и собирать, и накапливать. Сколь не трудились большевики, но изменить человеческую природу им так и не удалось, несмотря даже на «Институт Мозга» и другие подобные организации. Поэтому надо было дать людям какую-то погремушку, некий паллиатив, способный удовлетворить человеческую страсть к накопительству.

Этим предметом коммунистические идеологи выбрали книгу, которая казалась им «меньшим злом», в том смысле, что она более утилитарна, и менее подвержена украшательству, чем та же, например, одежда или мебель. К тому же, книга, во время Октябрьского переворота, была единственным средством передачи информацию, что выделяло ее и ставило на новый уровень. На этом и сыграли большевики. Книга - носитель знаний - это так, но они-то втолковывали людям, что знания прибавляют ума, что, в корне своем, неверно, зато очень привлекательно для людей, поднятых революционной волной со дна общества. Обладание книгой, по-большевистски, должно было подчеркивать исключительность, советского человека. Пусть буржуины нежатся на мягких диванах, а мы владеем книгой - источником знаний. Значит мы умнее и на голову выше.

Книги не запрещалось собирать, дарить и обменивать, и даже продавать. Причем не просто собирать, а еще и хвалиться собранным. Вспомним слоганы тех лет: «книга - лучший подарок», «самая читающая страна в мире», «чтение - лучшее учение», «хорошая книга - лучший друг», которыми власти привлекали людей к книге, отвлекая их, тем самым, от всего того, что создает уют, облегчает и, что немаловажно, украшает жизнь человека. Руководство страны можно понять, ведь советские люди, по их мнению, должны были находить упоение исключительно в бою. А солдат, как известно, с легкостью гибнет только тогда, когда на этом свете его ничего не держит. Ему не пристало иметь ничего личного, ничего того, что связывало бы его с этим миром и пробуждало бы в нем желание жить. Оттого так был сер и угрюм быт советской страны, всем своим видом утверждающий, что мы - всего лишь гости на этой земле, зашедшие буквально на минутку и готовые тотчас, по первому зову, уйти отсюда.

А чтобы подчеркнуть утилитарное назначение книги в ней уничтожалось все, что говорило бы о роскоши. Наши, советские, книги, плохо сброшюрованные, на желтой и хрупкой бумаге с незамысловатыми обложками, почти всегда без иллюстраций, выглядели невероятно гадко. Был у них и еще один недостаток - слепой мелкий шрифт разобрать который порою было невозможно без увеличительного стекла. Зато стоимость книги в нашей стране была и впрямь ниже, чем на Западе, еще раз доказывая, что хорошее дешевым не бывает.

Но с полной силой мода на книги захватила советский народ в хрущевское время. Вероятно сказался перезд из общежитий и коммунальных квартир в собственное жилье. Пришло время уюта и чтобы недопустить увеличение и так высокого спроса на мебель, ковры и бытовую технику, страна включила на полную катушку рекламу книги. И она сработала! Ведь впрям - дешево и сердито, а главное - не так труднодоступно, как, например, ковер или мебельная стенка, записываться на которые стояли ночами не взирая на погоду. С книгой было попроще. Книги, как не крути, в продаже были. Хотя и не те, которые, например, хотел бы прочитать я, но ведь были. Да и размах у людей был невелик. Они покупали книжную полку и заполняли ее книгами до отказа - и все. Я помню, как одна из моих коллег по МАДИ с удовлетворением произнесла - ура, книжная полка полна! Вот он - простонародный предел мечтаний. Для особо хитрых подпольщики выпускали набор корешков, склеенный в длинную ленту, которую ставили в книжную полку, заместо книг. Если не лазить руками, то отличить подделку от настоящих книг было невозможно. А корешки были красивые - с золотым тиснением и радовали глаз.

То о чем я хочу рассказать, как раз и произошло в самый разгар книжного бума, когда мода на книги довлела над всей страной и многие советские люди собирали макулатуру, чтобы за нее получать талоны на дефицитные книги.

* * *

Как-то к Марку Исаевичу зашла русская соседка Елена Петровна Костикова - женщина уже немолодая, но все еще яркая, интересная, щепетильно относящаяся к мужскому вниманию. Она не раз заходила к Волькенштейнам посудачить с Валентиной Борисовной - женой Марка Исаевича, которая, хоть и работала много лет в Минздраве, но по-прежнему оставалась прекрасным диагностом и грамотным педиатром, не скупившимся на бесплатные консультации. Хотя в этот раз Марк Исаевич был

дома один, поскольку Валентину Борисовну позвали соседи этажом выше к своему заболевшему сыну.

В ожидании ее, Елена Петровна бесцельно ходила вдоль длинной стены большой комнаты, где в ряд стояли фортепиано и два серванта без стекол, сплошь забитые книгами.

Марк Исаевич книги не собирал - это было увлечение его жены. Он относился к ним прохладно, кивая на Козьму Пруткова, сказавшего, что нельзя объять необъятное. Марк Исаевич считал, что достаточно иметь дома несколько любимых книг, а остальные, если потребуется, можно взять в библиотеке или, например, у друзей. Зачем устраивать дома книжный склад? И вообще, Марк Исаевич, гораздо больше любил смотреть телевизор, будучи твердо уверенным в том, что лучше один раз увидеть, чем сто раз прочесть. Но у Валентины Борисовны было иное мнение, с которым он не спорил и разрешал ей покупать абсолютно любые книги, которые, ни один, ни другой, не читали. Зато к ним, как в библиотеку, ходили друзья и знакомые, в том числе (причем нередко) и автор этих строк.

Походив туда-сюда с десять минут, Елена Петровна с раздражением заметила, что Марк Исаевич ведет себя так, как будто бы ее в комнате и нет. Смотрит себе телевизор и не пытается заговорить. Это ее, как женщину привыкшую к мужскому вниманию, сильно зацепило и она решила завести разговор сама, ставя целью малость (а может и не малость) уколоть Марка Исаевича, с которым ранее практически никогда не разговаривала, поскольку он чурался «бабьих сплетен» и к разговорам жены никогда не присоединялся.

Поэтому, не зная с чего бы начать, Елена Петровна обратилась к тому предмету, который был, то, что называется, под рукой - к книгам. Она взяла в руку сначала одну книжку и лениво полистав положила. Потом - другую, третью... Марк Исаевич не реагировал. Тогда, поставив очередную книжку на место, Елена Петровна обратилась к нему:

- Вот вы, Марк Исаевич, вроде бы образованный человек, а книги у вас какие-то разнокалиберные. Никакой направленности. То русское, то французское, «Госпожа Бовари» и «Деревянное зодчество Подмосковья», Морис Дрюон и томик Софокла, а тут - вообще - фантастика какая-то. Как-то несерьезно...

- А я, Елена Петровна, только Есенина люблю, да Высоцкого, но его, к сожалению, не печатают. Вот, смотрите! - Он вылез из своего любимого кресла перед телевизором и подошел к правому шкафу, указывая рукою на множество аудиокассет, припрятанных за книгами. - Вот моя коллекция. Очень люблю Высоцкого.

- Ну, Высоцкий это так... - в этот момент Елена Петровна

сообразила, что то, что она хотела сказать, больно ударит Марка Исаевича. А она собиралась его всего лишь уколоть, но не обидеть. Поэтому, стушевавшись, она промолвила - ... современное - и вздохнула с облегчением.

- Я классику люблю - Шолом-Алейхема, например, - поддержал разговор Марк Исаевич.

Это было чистой правдой. Он был большим поклонником «еврейского Чехова» и не меньшим «русского Шолом-Алейхема» Чехова. Если бы Елена Петровна присмотрелась, то увидела в углу на нижней полке несколько затерханных книжек без обложки. Это было любимое чтиво Марка Исаевича - Чехов и Шолом-Алейхем. Вообще, Марк Исаевич обожал рассказы. Он твердо был уверен, что в маленьком рассказе талантливый автор способен описать больше, чем посредственность в громадном романе. Может быть кому-то это и не понравится, но эти слова Марк Исаевич произнес тогда, когда мы с его дочерью изучали «Войну и мир» Толстого.

- Чехова почитываю тоже, но к поэзии как-то больше расположен... Пушкин... Есенин... - повторил Марк Исаевич и замялся не зная, что ответить.

Но Елена Петровна уже сообразила, чем можно подковырнуть Марка Исаевича, не обидев его до глубины души.

- Да я, как посмотрю, у вас тут одни только избранные произведения - укоризненным тоном произнесла Елена Петровна - а где же собрания сочинений, энциклопедия, БВЛ (библиотека всемирной литературы в двухстах томах, которая имелась только у обеспеченных людей, ибо каждый том стоил то ли 3 то ли 6 рублей)? Ведь вы не бедный человек - продолжила она сделав ударение на слове «небедный». Как-то так... было бы посолидней. - завершила она начатую фразу, явно стараясь задеть Марка Исаевича.

Почувствовав подвох в ее словах, Марк Исаевич решил отомстить. Глаза его загорелись и, слава богу, что он смотрел в этот момент в сторону телевизора, а то бы Елена Петровна могла бы все понять и скомкать разговор.

- Избранные... ну да... избранные, а как же... по другому... иначе нельзя - вяло промямлил он.

Елина Петровна, не прислушиваясь к его словам, продолжала:

- А стояли бы тут собрания сочинений - она махнула рукой вдоль полки - как было бы красиво! Корешки золотые, по размеру одинаковые. Загляденье. Сразу видно - квартира образованного человека!

- Елена Петровна,- громко сказал Марк Исаевич - я ведь -

еврей!

- Еврей!.. Еврей?.. Да, еврей... - не понимая к чему тот клонит, она говорила растягивая слова - И что же?

- А то, что мы ИЗБРАННЫЙ народ, поэтому нам положены ИЗБРАННЫЕ произведения, а не всякие там собрания, сборища и сборные солянки... Избранное для избранных - резюмировал свою мысль Марк Исаевич

Елена Петровна вспыхнула и замолчала, не зная, что и сказать.

Пауза обещала затянуться и стать невыносимой, но на их, обоюдное, счастье, возвратилась Валентина Борисовна, к которой Елена Петровна рванулась, как к своему спасителю.

К ее чести она была не только симпатичной, но и умной женщиной, поэтому в дальнейшем никогда не вспоминала о этом разговоре и делала вид, что ничего не произошло. А Марк Исаевич... Марк Исаевич, иногда, в моем присутствии, подхихикивал над ней, но всегда очень добро...

Равнодушный

- Не пойму я этих женщин! - задумчиво сказал мне Марк Исаевич, когда мы летним вечером курили с ним на балконе.

- А что так? В ваши-то годы, Марк Исаевич, давно пора уж было понять. Это мы, молодые, все никак, да никак.

Говоря это, я думал, что совершенно не понимаю дочери Марка Исаевича, которая пропустила мимо ушей мое предложение, но ни за кого другого замуж так и не вышла и, что главное, не собирается. Время идет, а никакой определенности у нас как не было, так и нет. Подумать-то об этом я подумал, да вслух ничего не сказал. Постеснялся.

- Нет - продолжил Марк Исаевич - одной жизни на это не хватит. Это тебе, брат, не математика, где все ясно и четко. Дважды два - четыре. Прямая проходит через любые две точки. Недаром говорится - ТОЧНАЯ наука. Точная... когда все предельно точно... А душа человеческая, недаром, говорят - потемки, а женская - вдвойне...

- Да что же вас так задело, Марк Исаевич - спросил я. - Раньше с вами подобного не случалось. И слов-то таких не произносили никогда.

- Видишь - продолжил он после некоторого молчания - сидим мы вчера с Валентиной Борисовной, я смотрю футбол о телевизору, а она мне вдруг и говорит, что, дескать, надо диван новый в кухню купить, а то я старый своими сигаретами насквозь прожег. Говорит так мягко, без нажима.

Тут наши в атаку пошли, от сердца отлегло, я и отвечаю, не повернув головы, что купим, конечно. Ты поищи сама, какой понравится. Ну, знаешь, - не люблю я в женские дела впрягаться. Им то колер не тот, то фасон не этот. Мне-то все равно какой, лишь бы ей было приятно.

Началась контратака, я отвлекся, докатились до ворот, потом снова в атаку устремились - вдруг слышу - говорит: сколько можно Алле в старой шубе ходить, зима на носу, а дочь не одета. Хоть до зимы еще полгода, но отвечаю - позвони Гарику у него ее мерки есть - пусть сошьет. Волка ноги кормят - сам и приедет. Отвечаю, а в тоже время наблюдаю - как события на поле разворачиваются... ах! Черт! Свисток! Первый тайм закончен.

Откинулся я на спинку кресла, руки на затылок положил - можно и отдохнуть теперь... только слышу:

- Какой же ты у меня равнодушный! Ничем не интересуешься! Купи... позвони... никакого участия в семейных делах... Что диван, что дочери шубу - тебе все равно, промямлил, буркнул и в свой

футбол вперился.

Я молчу и не оборачиваюсь. Жду... Что еще она скажет. В ответ - тишина. Слышу - встала и на кухню ушла.

- И что? - спрашиваю я.

- А вот то и интересно, что ничего.

Еще второй тайм не закончился, а она уж Гарику звонила, битый час без умолку болтала. Поздним вечером сантиметром старый диван мерила. Вот уж три дня прошло - все тихо спокойно. Что на нее такое нашло? Какая муха укусила? Столько лет прожили... я всегда такой был, и никогда - ничего, все нормально было, а теперь вот - равнодушный!

Марк Исаевич умолк. Видно было, что он пригрустнел и крепко-накрепко задумался. Какая-то мысль неустанно сверлила его разум. Губы его шевелились и, сквозь неясное бормотание, время от времени можно было расслышать слово «равнодушный», произносимое с различными интонациями.

Не знаю, честно говоря, сколько времени прошло, и даже не помню выкурил ли я сигарету или же начал новую, но вдруг Марк Исаевич вздрогнул, как вздрагивает неожиданно разбуженный человек

- Равнодушный - гордо произнес он, поднимая голову. - Равнодушный! Я и есть равнодушный!

- Да что вы так себя, Марк Исаевич! - Завозмущался я - сами же говорили про бабью болтовню...

- Не в этом дело, пес с ней, с бабьей болтовней... - продолжил он свою мысль - ты вслушайся в слово «равно-душный»... «Равно... душ-ный» - произнес он по слогам.

- Я, в ответ, молчал, поскольку не понимал ничего из того, что он говорит, кроме пустого, ничего не значащего слова.

- Ну... ну... Вевик! Давай-давай, думай! Вслушайся, вслушайся в звучание... «Ра-в-но-душ-ный» - Марк Исаевич сделал паузу и еще раз сказал, но уже более жестким тоном - «равно-душный»!

- Я издал какой-то неясный звук, который чем-то напоминал свист старинного паровоза и замолчал. В голову не лезло ничего.

- Ну, Вевик, ну же, догадывайся! - заухмылялся он и произнес знаменитую фразу из старого (даже по тамошним временам) фильма «Напарник» - Учись, Студент, пока я жив!

(Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, как много подобных фраз мы произносим походя, совершенно не задумываясь о их истинном значении. Вот и я учился у Марка Исаевича, даже не подозревая насколько мало ему осталось...)

- Я - пас! - проговорил я, уныло махнув рукою вниз, при этом зацепившись окурком о перила балкона. Объясняйте...

- Равно-душный подходит ко всему с РАВНОЙ душой, ни кому

не выказывая предпочтения, но, при этом, никого и не обделяя. Равность! Равенство души! Ведь это, и в самом деле, я! Валька права!

Я смотрел на него не отрываясь, удивляясь поворотам его умозаключений и, в тоже время, удивляясь - до чего же все его рассуждения логичны.

- Вот на днях я тоже получил от нее нагоняй, за то, что Кронгаузу-сыну помогаю по сопромату, а с родной дочерью не займусь. По ее мнению - Кронгауз-младший пусть подождет. Но ведь он меня попросил, а Алла-то не просила. Да и так, подумать, - человек просит помощи, а я ему в ответ - погоди, милый, мне дочь дороже! Срам-то какой! Вообрази пожарника, который говорит - подождите малость, я тут своему ребенку сказочку дочитаю. Ведь ложится спать мой ребенок, а горят-то чужие!

- Значит, по-вашему, равнодушный - не значит плохой - я наконец нашел что сказать.

- Ну, про «плохой» это разговор отдельный. Мое мнение - «плохих» не бывает, как не бывает и «хороших». У каждой медали две стороны. Но я не про это. А про то, что «равнодушный» и «безразличный» - не одно и тоже. И если на «безразличного» я не согласен, то «равнодушный» - это точно я.

- Теперь, понимаю - ответил я, на самом деле с трудом успевая за полетом мысли Марка Исаевича.

- И еще, про одно! - На этом месте он поднял указательный палец вверх, и, потрясая рукою, тыкал им себе в угол правого глаза. - Про женщин!

Мы, нередко, удивляемся, а, иной раз, и смеемся над их, женской, логикой, но, запомни - это все глупая мужская бравада и больше ничего. Женщины, как мне думается, понимают истинный смысл слов, их душу, их исконное значение, не связывая себя наклеенными на них ярлыками, традиционными, устоявшимися, значениями. Мужчина думает, а женщина ощущает.

Вот и получается, что Валя заметила, что я, и к футболу, и к домашним заботам, и к дочери, и к друзьям отношусь с одинаковым вниманием. И сказала «равнодушный», имея в виду «ко всему равный», а я воспринял это как «безразличный» и даже обиделся немного, поскольку безразличия в своих действиях не видел. Нужен диван - выбирай по своему вкусу. Надо шубу - давай сошьем. Я не говорил - какая мне разница - я принял решение, причем такое решение, какого она и хотела.

Так, что прежде чем обижаться, подумай - есть ли над чем!

Сын еврейского бога мудро заметил про вторую щеку. Не торопись мстить - сначала убедись, что тебя действительно ударили... - здесь он немного заблудился в словах, сплюнул и

продолжил - нет, нет, даже не то, что ударили, а хотели ли тебя ударить со злобой. Ведь иной раз и ударишь человека, но невзначай, не желая, по ошибке, черт возьми, Не торопись... никогда не торопись с выводами в жизни. Может и третью щеку иной раз надо подставить, и четвертую... Сделать что-либо намного проще, чем потом исправить... Вот - соль жизни.

Я слушал, восхищаясь его мудростью, интересными, замысловатыми речами, но... думал, к стыду своему, не о том, что он говорил, а совсем о другом... О том, как было бы хорошо, жениться на его прелестной дочери и жить всем вместе, одной семьей. И вырастить еще одно поколение Волькенштейнов...

Но жизнь сложилась иначе...

А смысл, того, что мне говорил Марк Исаевич, я начал понимать много позже...

Без порток, но в шляпе

Марк Исаевич был страстным любителем купания, несмотря на то, что родился и вырос в центре Москвы, между улицей Горького (ныне Тверская) и Пушкинской улицей, в переулке имя которого я позабыл. Он купался всю жизнь. Даже в последние годы, когда тяжело болел, находил в себе силы съездить на юг для того, чтобы искупаться. Да, купаться Марк Исаевич любил только в теплой воде. Поклонником «моржевания» он никогда не был и всегда смеялся над любителями этого, называя их «хуями моржевыми». Хотя, и по его словам, и по свидетельствам очевидцев, он купался, и в холодной Неве, возле Петропавловской крепости, и в совсем ледяном Ладожском озере, близ Шлиссельбурга.

Начало 90-х годов было ознаменовано довольно теплой летней погодой. Я помню, что в 92 году даже купил себе вентилятор и, что самое главное - пользовался им, никогда доколе не помышляя о необходимости иметь в Москве подобное устройство.

И вот - теплым июльским днем Марк Исаевич отправился на близлежащие пруды искупаться. Поскольку он шел пешком, то ни денег, ни кошелька с собою не взял, но прихватил, только что привезенные его дочерью их Арабских Эмиратов складные солнцезащитные очки, поскольку с возрастом его глаза стали болезненно реагировать на яркий свет. Эти очки, которые помещались в небольшом кожаном портомне он засунул в задний карман брюк, решив надеть их только после того как искупается. Поскольку к очкам, тем более темным, он непривык и ходить в них не решался. Для улицы он прихватил мягкую соломенную шляпу с огромнейшими полями, дающую неплохую тень. В этой шляпе, которую кстати он фанатично любил, Марк Исаевич напоминал Страшилу из сказки «Волшебник из страны Оз», только иголок и булавок не хватало.

Искупавшись, Марк Исаевич подошел к тому месту, где он сложил свою одежду, с желанием проверить действие новых очков.

Каков же его охватил ужас, когда среди своей одежды он не обнаружил брюк! Шляпа была на месте, подстилка для сидения тоже, рубашка, ботинки, носки - все было, а вот брюк не было. Украли! Сначала он не мог понять - зачем. Во-первых, при всем своем богатстве, Марк Исаевич был очень скромен. Как сам он выражался - «по-советски». У него было много хороших дорогих вещей, но ходил он в них только в исключительных случаях.

Поэтому на пляж он пошел в латанных-заношенных брюках невесть какой давности, украсть которые мог только, либо полный идиот, либо совершенно отчаявшийся человек. А во-вторых, у Марка Исаевича был очень интересный размер одежды, точнее - рост, который он сам называл «бутылочным» - ноль семьдесят пять. Марк Исаевич был невысок, даже очень и при этом полноват. Поэтому он многие годы спокойно оставлял свою одежду на всевозможных пляжах от Юрмалы до Анапы и никто никогда на нее не покушался... И вот тебе - здрасьте!..

И тут Марк Исаевич вспомнил зачем он, собственно, стал искать свои брюки - ему захотелось вынуть из заднего кармана портмоне с очками! Портмоне! Конечно! Воришка заметил красивое кожаное портмоне и решил, что оно набито деньгами. А если денег там и немного, продать такое портмоне, в бедной товарами Москве, было как раз плюнуть.

Что делать? Брюк нет, надежды, что вор, вынув портмоне, вернет или бросит их поблизости - никакой. Хотя Марк Исаевич, для вящего спокойствия прошелся туда-сюда вдоль пруда, пару раз, заглядывая в кусты, но... тщетно...

Нигде! Ничего! Тьфу...

Марк Исаевич с растройства искупнулся еще пару раз и, надев соломенную шляпу, отправился вовсояси в «типично советском виде», как он замечательно выразился - «без порток, но в шляпе».

Я задал ему вопрос - ни оглядывался ли кто-нибудь на него, когда он шел домой в этом странном одеянии? А идти ему было неблизко - более получаса. Не знаю - ответил он, - я и так маленького роста, а еще эта шляпа... Я шел, как на ошупь, лишь иногда приподнимая поля, чтобы перейти через улицу.

Прошло несколько дней и Марк Исаевич, сидя на своей любимой лавочке у подъезда, курил и рассказывал соседке Ольге о том, что с ним произошло.

Та охала-вздыхала, жаловалась на нечестность народа, на развращенность нравов и на все то, на что любят ругаться люди, давным-давно пережившие свою молодость. А в довершении сказала: «Ну и сраму вы, наверное, натерпелись, пока шли домой?»

Марк Исаевич от такого даже чуть было не выронил сигарету себе за воротник.

- Сраму? - переспросил он - сраму... интересная у вас логика, Ольга Ивановна! Я - ограбленный должен еще и срамится, краснеть за то, что я, честный, немолодой уже, человек, вынужден не своей воле в одних трусах топать по городу. Вот вор пусть и краснеет!

Марк Исаевич сказал это с такой страстью, с таким пафосом, что даже покраснел, о чем заметил по охватившему его лицо жару. Он замолчал, глубоко вздохнул пару раз, чтобы вернуться в равновесное состояние и промолвил, как бы вскользь - «хотя он и так красный...»

Христопродавцы

Как-то, зайдя к Марку Исаевичу в гости, я застал у него одного из своих коллег по МАДИ, именем Владимир, который был руководителем моей студенческой практики. (Здесь, в скобках, замечу, что Марк Исаевич, в свое время тоже закончил МАДИ, хоть и не с отличием, но все равно очень успешно). К описываемому времени, я уже стал дипломированным инженером, а Владимир - защитил кандидатскую диссертацию и...

...вот в этом-то и заключалась вся проблема - Владимир никем не стал! Он, по-прежнему, оставался в должности ассистента, хотя, по званию, должен был быть, по крайней мере, старшим преподавателем.

Но должности ему не давали - один год это объясняли тем, что нет свободных ставок. А, когда ставка появилась, потянули с документами так, что ставка ушла. Потом возникли еще какие-то осложнения... А Владимир так и оставался ассистентом уже, в общей сложности, четыре года. И вот опять освободилась ставка старшего преподавателя, но... Опять возникло некое странное «но»..

И об этом Владимир, как раз, жаловался Марку Исаевичу - о том, как ходил из кабинета в кабинет, писал одно заявление за другим, но дело с места не сдвигалось. С одной стороны ему не говорили «нет», с другой стороны - не говорили и «да». Заговор молчания...

Сначала он решил, что надо дать взятку. Стал крутиться ужом, подъезжать с намеками, где шуточкой, где на полном серьезе, но... его никто не хотел слушать.

И тогда до него стало доходить - в чем же дело...

Еврей, «презренный еврей», по меткому выражению великого Пушкина. Вот кто он такой! И не место ему в преподавателях МАДИ, (хотя этот институт законно именовался Московской Ассоциацией Детей Израиля). Радуйся, что ассистентом оставили. Конечно, в те годы, лозунг «Россия для русских» еще не выкристаллизовался в народном сознании, но все предпосылки для него были налицо. И, как это водится на Святой Руси, первыми, от кого пытались очистить Землю Русскую, были евреи.

Владимир, поняв, что этот вопрос в низших инстанциях решить невозможно, обратился с вопросом «быть или не быть» ему старшим преподавателем к самому Ректору. А тот ответил, что «да», но только не в МАДИ и предложил ему уволиться. Просто и элегантно. «У нас вы - ассистент - это не подобающая должность для кандидата наук, поэтому увольняйтесь и найдите

себе достойное место» - заключил он, красноречиво махнув рукой, как бы показывая - какая огромная у нас страна, где полно достойных мест для кандидатов технических наук. А может быть пытаясь объяснить назойливому еврею, чтобы тот пошел прочь.

Но почему - взъярился Владимир. Почему я не могу здесь стать старшим преподавателем - я учился здесь, аспирантуру заканчивал здесь, защищался тоже здесь. А теперь - увольняйтесь! Почему???

Ответ был прост: так складываются обстоятельства.

Задохнувшись от гнева, Владимир, понимая, что разговор фактически уже закончен и его просьба отклонена, спросил Ректора прямо в лицо: "Потому что я - еврей? Да?"

Нет, - последовал ответ - конечно, нет, просто у института нет возможности предоставить вам должность старшего преподавателя. Нет возможности... - повторил еще раз Ректор и поглядел в сторону, давая понять Владимиру, что этот разговор не имеет смысла. Правды он все равно не услышит, а бесконечные отговорки, хождение вокруг да около, ни тому, ни другому не нужны да и не интересны.

Высказав все это Марку Исаевичу, Владимир продолжал горячиться и пыхтел, бегая по кругу, вокруг слов «еврей», «бей», «погром», «черная сотня», «зажимают» и так далее...

Марк Исаевич слушал его с отсутствующим выражением - он был уже не то, чтобы стар, но и не молод. Скажем так - умудрен жизнью. Ему неоднократно приходилось сталкиваться с этой постыдной практикой: и в школе, и в институте. Поэтому, наверное, и работал он на этой богом забытой автобазе, поскольку там ему не выпадали подобные унижения. «Спокойствие и только спокойствие» - этот карлсоновский девиз, Марк Исаевич мог бы запросто поставить на свой герб, если бы он у него был.

Но Владимир был не таков...

Он продолжал кипятиться...

Я тоже слушал его в полуха , хотя бы потому, что знал эту историю слово в слово и был тем, кто, сразу же, после первого отказа, предложил Владимиру уволиться. «Тебя, как жида, гонят отсюда» - констатировал я - «Биться об антисемитскую стену бесполезно!» Но Владимир, учитывая мою относительную молодость, не только не прислушался к моим словам, но даже не удостоил мои слова хоть каплей внимания. Хотя события, к его сожалению, развивались именно так, как я и предсказывал.

Владимир говорил, говорил, и говорил. Так долго и так много, что мне подумалось: такому краснобаю, надо не старшего преподавателя давать, а сразу доцента или, вернее, профессора.

«Во как льет! Вития!» - усмехнулся про себя я...

И Владимир произнес слово «христопродавцы». Он повторил его дважды, а может быть даже и трижды, сводя разговор к тому, что евреи - христопродавцы, поэтому принимать их на работу не следует. Все продадут! Ненадежный народец!

Может быть, продолжи он свою речь дальше, ничего бы не случилось. Марк Исаевич все также слушал бы его с тем же безразличным лицом, но Владимир неожиданно для нас, замолчал. Фонтан его красноречия иссяк. Похоже ему уже нечего было сказать.

Марк Исаевич поерзал в кресле, как бы усаживаясь поудобнее и произнес:

- Не христопродавцы, а христопродавцЫ...

- Что???

- ХристопродавцЫ - повторил он - от слова продавец - профессия такая.

- Марк Исаевич, вы это о чем? - застонал Владимир.

- О том, что мы... (здесь он сделал большую паузу - такую большую, что Владимир завертелся от ожидания) евреи... (тут он тоже сделал паузу, но уже поменьше) - христопродавцЫ, ибо - продать Христа мог любой дурак, но надо быть именно евреем, чтобы выручить за НЕГО неплохие деньги. Поэтому нас и не любят...

- Хотите сказать, что нам завидуют? - неуверенно вымолвил Владимир.

- Нет - чувствуют разницу - закончил разговор Марк Исаевич.

Национальный долг

Я заглянул в комнату к Марку Исаевичу чтобы попрощаться. Тот сидел перед телевизором, тупо уставившись в экран, и курил очередную сигарету. Я было открыл рот, чтобы сказать: «До свидания», Марк Исаевич», но меня опередил голос из телевизора, который бодро докладывал о выполнении нашими солдатами интернационального долга в Афганистане.

Выдержав паузу, до окончания дикторской тирады, я снова открыл рот, чтобы сказать: «До свидания», но... теперь меня опередил уже Марк Исаевич

- Почему долг - это всегда кого-нибудь бить! - повернувшись ко мне, неожиданно, спросил он. - Не строить, не растить, а именно бить... - задумчиво продолжил он.

Я молчал, поскольку не не то, чтобы не был готов к такому вопросу, а вообще, не был готов рассуждать. Сорответственно, пауза затянулась...

Тогда Марк Исаевич пояснил сам:

- Бить ни в чем не повинных афганцев - сказал он указывая рукою на экран, - интернациональный долг. А бить жидов (при этом он согнул руку в локте, указывая пальцем на себя), так сказать, - национальный... Бедный русский народ - в долгах, как в шелках - отрезюмировал он.

Я захохотал, со свойственной юности, горячностью, а Марк Исаевич, улыбнулся...

- Пока, Володя, пока... Ждемти снова в гости...

Исцеление

Марку Исаевичу «повезло» - в один и тот же год у него застряли камни в почках и воспалился тройничный нерв. В общей сложности он месяца четыре провел, то в больницах, то на постельном режиме. Когда все это закончилось и он окончательно выздоровел, я приехал к нему поздравить «с исцелением» - мне казалось, что я выбрал очень красивое слово для такого случая. Марк Исаевич поблагодарил за теплые слова, но в свойственной для него манере, потом примолк и, подняв палец, сказал: «Исцеление - лишь отсрочка приговора, насмешка, издевка. Христос воскресил Лазаря только для того, чтобы тот снова умер! Ибо... Ибо! Бессмертных мы еще не видали. Христос просто поизмывался над Лазарем, заставив умереть дважды.»

От этих слов у меня холодок какой-то побежал по спине, я почувствовал - поздравление с выздоровлением как-то не сложилось. Но своей вины я в этом не видел, было здесь, что-то иное... Никто из нас, собравшихся за столом, тогда не знал, что это пророчество. И через три года Марк Исаевич умрет, воскреснет (клиническая смерть 19 минут), чтобы промучаться еще семь лет и умереть вторично.

Русская собака

Когда появилась мода на ройтвеллеров, Марк Исаевич был уже стар, но не потеряв интереса к движению, регулярно выходил на прогулку. Иногда я сопровождал его и тогда он шел, опираясь на мою руку.

И вот, как-то на аллее парка, мы повстречали пожилую даму, идущую в сопровождении громадного флегматичного пса, уныло плетущегося поодаль. Я видел ее в первый раз, но Марк Исаевич оказался с ней знаком и они разговорились. Мне это было не интересно да и, заодно, чтобы их не смущать, я отошел в сторонку. Ройтвеллеру, видимо, тоже было очень скучно - ведь он стоял на одном месте. Собака, пусть даже флегматичная, все же собака и привыкла двигаться. Поэтому пес начал мало-по-малу топтаться на одном месте, как бы намекая хозяйке, что неплохо бы и двинуться, ведь беседовать можно и на ходу, при этом приветливо повиливая некупированным хвостом. Я, как человек далекий от кинологии и собачьих выставок, экстерьера и прочих непонятных слов, люблю некупированные хвосты, особенно у ройтвеллеров, поэтому решил подойти поближе к собаке.

Я приблизился к стоящим в тот момент, когда Марк Исаевич наконец обратил внимание на ройтвеллера и спросил хозяйку, по-моему, впервые увидев его хвост: «А почему он у вас...» И в этот момент он начисто забыл как называется изуверская операция по сокращению размеров всяких-разных частей тела животных. Марк Исаевич запнулся, потряс головой, замахал рукой так, как будто бы он пытался поймать убежавшее у него из памяти слово. Но ничего не получалось. Слово упорно не вспоминалось. И только я собрался подсказать ему, как он, неожиданно, выпалил: «..не обрезан?» При этом округлив глаза, понимая, что сгородил, явно не то.

Хозяйка ройтвеллера, ухмыльнулась и ласково ответила: «А потому, Марк Исаевич, что он у нас не еврей!»

- А... - русская собака - нашелся Марк Исаевич.

Беретики

Марк Исаевич был лентяй - так говорили о нем все вокруг, включая его домашних, причем не только за глаза, но, порою, и, без стеснения, в лицо. На что он только пожимал плечами и не пытался оспорить эту характеристику.

Как я уже говорил, Марк Исаевич всю жизнь поработал в техотделе на автобазе рядом с домом. Когда-то, в студенческие годы, ему пророчили блестящее будущее, но за него надо было бороться, а он не хотел. Не хотел сдавать экзамены в аспирантуру, не хотел уходить на другую, более перспективную, но далеко расположенную, работу, не хотел того, не хотел сего... Короче, Марк Исаевич был именно тем лежачим камнем, под который вода никогда не течет.

Когда у него спрашивали: почему? Он обычно отвечал: зачем? Ради чего? Из-за лишних десяти рублей? Если говорили: ну не из-за десяти. Он, хитро прищурясь, отвечал: ну, из-за тридцати? И смотрел на говорящего так откровенно, что тому становилось стыдно. Никакие доводы о интересной, престижной работе он и слушать не желал, а уверял, что ему и здесь интересно и, что любая работа престижна если ты ее выполняешь с честью. А когда его пытались пристыдить, утверждая, что он мог бы выбиться в руководители, то он отнекивался - не люблю, когда меня ненавидят. На этом все обычно и заканчивалось.

Непробиваемый...

Так и жил он тихо и незаметно, пока не наступил крах СССР.

Как-то я заглянул к Марку Исаевичу в гости и не узнал его квартиру - в прихожей стояли тюки, набитые разноцветными беретиками, из ванной доносился шум работающей стиральной машины, а проход в комнату преграждали ногочисленные авоськи заполненные клубками шерсти. Но самое удивительное поджидало меня в комнате - на разложенном обеденном столе, застеленным старым гобеленом, стояла (что бы вы думали?) вязальная машина! За которой сидел ни кто иной, как Марк Исаевич собственной персоной и живо двигал ее каретку.

Я был настолько поражен увиденным, что слушал обьяснения в пол уха, поэтому для меня осталось тайной - кто подбил Марка Исаевича на это. Способность понимать и запоминать услышанное, вернулась ко мне позже, когда он, с невероятной гордостью, рассказывал, как самостоятельно! освоил работу на машинке, как купил еще одну стиральную машину, чтобы доводить береты до нужной кондиции, что самостоятельно! покупает шерсть, что самостоятельно! сдает готовую продукцию в

ГУМ. На этой, известной каждому покупателю того времени, аббревиатуре, он сделал особое ударение - типа - знай наших, не у Пронькиных!

Я был поражен, ошарашен, убит, ошеломлен... Я мог поверить во что угодно, даже в приземление НЛО, но в такое не хотелось верить, несмотря но то, что я видел это собственными глазами.

Я спросил его, как и прежде - почему? А он ответил, что каждому человеку свойственно трудится. Я спросил зачем? Он ответил - чтобы зарабатывать деньги. И тут я взорвался - какие это деньги, да на машинки эти, при нынешнем дефиците, вы потратили.., а сколько труда вложили... Он отвечал - все просчитано - через 10 месяцев окупится... А главное - и здесь он торжественно поднял вверх указательный палец - это ПОЛНОСТЬЮ МОЕ ДЕЛО. Я, и только я, определяю, и сколько мне работать, и какую цену запросить. Я сам себе, и профсоюз, и эксплуататор, и пролетарий - един во всех лицах. Это так ново, необычно и очень-очень интересно.

Я пытался его отговорить от этой затеи, но он твердо стоял на своем - непробиваемый!

Сочтя, что Марк Исаевич малость помешался от политических передряг, карточной системы, дефицита, очередей и безысходности, я успокаивал себя тем, что скоро это пройдет, что он потерпит фиаско, забросит эти детские игры и будет снова покуривать перед телевизором. О, как я ошибался!

Марк Исаевич вязал береты двенадцать лет, у него были, и взлеты, когда он обзавелся подмастерьями, и падения, когда, под напором качественных импортных товаров, ГУМ прекратил принимать его продукцию. Но Марк Исаевич достойно встретил удар судьбы, уйдя на провинциальные рынки и, я думаю, он выкрутился бы из любой ситуации, но тяжелая болезнь не дала ему возможности заниматься любимым делом...

Машинку убрали в кладовку, исчезли клубки, нитки, береты... жизнь потеряла смысл, превратившись в существование...

Воскрешение Лазаря

У Марка Исаевича не было внуков, от чего он сильно страдал и чего он очень стеснялся. Ведь считается, что прекращается тот род, который греховен перед богом. А над ним еще тяготело и семейное, даже скорее фамильное, то есть проклятие по фамилии, о котором я умолчу. Отчего он с каждым годом страдал все сильнее и сильнее, понимая что надежда на внуков уже не угасает, а погасла совсем.

И вот как-то, он позвонил мне и сказал: «Чего нет, тому уж не бывать...» и наш разговор как-то скомкался. А через два дня я узнал, что Марк Исаевич в реанимации и у него о-о-о-обширный инфаркт.

Врачи его спасли... но его ли? Он прожил еще семь лет... курить ему строго-настрого запретили, от сердца осталась только одна треть, поэтому он вынужден был пользоваться кондиционером, живя в постоянном холоде. Уставал он настолько быстро, что поговорив пять минут по телефону, был вынужден отдышиваться, как после длительного забега. Ни о какой декламации стихов уже не было и речи, даже читать ему становилось все труднее - ослабшее сердце не омывало кровью глаза и они видели все хуже и хуже. Это была не слепота, но потеря зрения. Мы почти не виделись с ним за эти, тяжкие для него, семь лет. Я понял, что ему не хочется выступать в качестве «живого трупа», быть объектом ахов и вдохов и бессмысленных пожеланий «скорейшего выздоровления».

В последние годы Марк Исаевич, как и все безнадежно больные, стал склоняться к вере, но к вере не Иудейской, а Христианской. Я спросил его - Почему? Он помедлил и, с одышкою, ответил: «Азат-скопец - Святой, у него не было ни детей, ни внуков, а, все-таки, Святой!»

За два года до смерти он крестился в Православие и умер на Пасху, возвращаясь из церкви.